

ПРОКЛ ДИАДОХ
О ДЕСЯТИ СОМНЕНИЯХ
ОТНОСИТЕЛЬНО
ПРОВИДЕНИЯ

Прокл Диадох О десяти сомнениях относительно Провидения

<https://litres.ru/74570553>

SelfPub; 2026

Аннотация

Трактат Прокла Диадоха «О десяти сомнениях относительно Провидения» — важное произведение позднего неоплатонизма, исследующее природу божественного предвидения и его связь с человеческой свободой. Сочинение построено как анализ десяти ключевых возражений против идеи всеобъемлющего провидения, которые могли бы поставить под сомнение существование или благость божественного порядка. Прокл последовательно разбирает каждое из этих сомнений, показывая их несостоятельность и демонстрируя гармонию между высшим разумом и видимым несовершенством мира.

Русский перевод подготовлен на основе латинского текста издания В. Кузена (1820) и адаптирован для широкого круга читателей: сложные конструкции смягчены, терминология упрощена без потери смысла, а ключевое понятие *Providentia* передано как взаимозаменяемые «Провидение» и «Промысел» в духе русской философской традиции. Книга будет полезна

всем, кто интересуется античной мыслью и классическими основаниями этики.

Содержание

1	7
2	13
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Прокл Диадох

О десяти сомнениях

относительно Провидения

Великий Платон в десятой книге «Законов» несокрушимо, можно сказать, доводами заставил нас признать, что Провидение существует. И во многих других местах — например, в «Тимее» — он показывает, что творения мироздания продуманы вплоть до мельчайших деталей именно благодаря Божественному Провидению, и прямо говорит об этом.

Нам следует довериться тому, что доказал Платон, а также оракулам, которые самым убедительным образом подтверждают его доказательства. Ведь саму эту традицию оракулов, обращённую к достойным слушателям богов, я считаю яснейшим свидетельством Провидения. Наша задача — отбросить все те призраки сомнений, которые встают перед умами многих людей и мешают им принять, что всё совершается по Провидению, и вернуть к истине тех, кто нелепо спорит с ней. Не потому, что наши предшественники не уделяли этим вопросам достаточного внимания, — но потому, что душа, даже если тысячу раз сталкивалась с сомнениями и разбирала их по частям, всё равно жаждет говорить об этом и слушать, вновь и вновь возвращаясь к самой себе. Она словно

хочет вести спор с собой, а не просто принимать извне чужие рассуждения.

Так давайте же, если угодно, станем задавать вопросы самим себе и, сомневаясь в тайниках души, попробуем упражняться в разрешении трудностей. Будем ли мы при этом повторять сказанное предшественниками или нет — не имеет значения. Ведь пока мы говорим то, что нам самим представляется верным, мы вправе считать эти мысли своими — и высказывать их, и записывать. К тому же нашим общим проводником выступает Гермес, о котором говорят, что он вкладывает в каждую душу врождённые, не требующие обучения предпосылки общих понятий.

1

Прежде всего спросим: если Провидение распространяется на всё — на целое и на части, вплоть до самых мельчайших вещей, на небесное и поднебесное, на вечное и на тленное, — то Провидение должно знать достоинство тех, о ком оно заботится. Иначе как оно могло бы устраивать всё в соответствии с достоинством, если бы не ведало этого достоинства? Но тогда — каким образом оно познаёт всё: целое и части, тленное и вечное? Каков способ этого познания? И если мы разберёмся с этим, то перейдём к следующему затруднению, а затем — к ещё одному.

Итак, выставив это перед собой в качестве первого положения и призвав на помощь общего покровителя — Гермеса, скажем следующее. Одна форма познания связана с неразумной частью души и как бы сплющена до её уровня — это ощущение и воображение. Обе они направлены на частные вещи и не выходят за пределы телесного, что и показывает: они познают лишь единичное.

Другая форма познания по своей природе принадлежит разумной жизни — это так называемое мнение и знание. От неразумных способностей познания они отличаются тем, что схватывают общее, тогда как те, как уже сказано, воспринимают лишь отдельные качественно определённые вещи. Между собой же мнение и знание различаются вот чем: мне-

ние — это познание подвижного и изменчивого, а знание — познание того, что пребывает всегда неизменным.

Помимо них существует так называемое интеллектуальное познание. Одна его разновидность охватывает всё сразу и в простоте, другая — всё через единство. Именно этим они и различаются: познание совершенного ума и познание частных умов. И те и другие мыслят всё во всём, превосходя в этом отношении разумные способности познания. Однако совершенный ум мыслит всё целостным образом — и в своём бытии, и в своём мышлении он целостен. Частные же умы делают то же самое, но частичным образом, поскольку каждый из них и существует, и мыслит, и мыслит так, как он есть, — частично.

Но выше всех этих видов познания стоит познание Провидения, превышающее ум. Оно совершается одним лишь единством — тем самым, в силу которого каждый бог и есть бог, и называется промыслителем обо всём. Это действие предшествует самому мышлению. Именно этим единым, благодаря которому он и существует, он познаёт всё.

Ведь было бы нелепо, если бы, с одной стороны, мы признавали, что прочие виды познания соответствуют природе тех сущностей, которым они принадлежат — например, что воображение и чувственное восприятие, будучи способностями неразумной жизни, сами полагаются неразумными, а те, что стоят выше них, — разумными, поскольку принадлежат разумным душам, и умственными, поскольку принад-

лежат умным существам, — но при этом познание богов, именно как богов, не определялось бы в соответствии с их единичным способом бытия. Это противоречило бы общим представлениям и убеждению тех, кто считает божественное чем-то высшим, нежели ум, и полагает, что каждое существо познаёт сообразно тому, чем оно является.

Итак, если Провидение осуществляется через единое — именно оно и есть то, что называется Провидением и дарует всем это благо, — а Провидение тождественно единому, то тем самым бытием, которым бог промышляет обо всём, он и познаёт то, о чём промышляет. Следовательно, он познаёт всё посредством единого. А это единое в равной мере относится и к целому, и к частям, и к тому, что по природе, и к тому, что против природы, и к видам, и к тому, что лишено вида. Ведь подобно тому, как для всех чувственных вещей должна существовать некая неделимая способность суждения, а для видов, предшествующих чувственным вещам, — иная способность, их различающая (ибо если бы одно познавалось одним, а другое — другим, это было бы всё равно что сказать: «это чувствую я, а то — ты»), — точно так же должно существовать нечто, предшествующее видам, обладающее единым познанием и общего, и единичного. Иначе как оно упорядочит одни вещи как причастные, а другие — как то, чему причастны?

Общее же для всех них — не что иное, как единое. Следовательно, то, что познаёт прежде видов, познаёт всё именно

как единое. И очевидно, что оно познаёт посредством единого — поскольку подобное познаётся подобным, — я имею в виду причину того, что от неё происходит. Ведь повсюду и во всём присутствует единое. Универсальное охватывает не всякое сущее каким бы то ни было образом: ведь помимо универсального существует и частное. И вид охватывает не всё, потому что есть и то, что не является видом. И природа охватывает не всё сущее, поскольку существует и то, что противоприродно. Но единым является всё, что только может быть помыслено, — ведь единое стоит над всем. Если же что-то не причастно единому, то оно и не будет сущим вовсе, и не сможет быть причастно Провидению.

Итак, если ничто не ускользает от единого, то тот, кто познаёт всё из себя самого, будет познавать единообразно — ведь познание совершается либо через единое, либо не через единое. Но познавать не через единое — это худший и чуждый единому способ познания. Значит, через единое он познаёт всё, что каким бы то ни было образом едино. Следовательно, если кто-то познаёт всё, он познаёт всё именно через единое. Ведь единое — это то общее, что присуще и сущему, и не-сущему. Таким образом, Провидение, как было сказано, определяется через единое и благо, а благо предшествует уму, ибо ум стремится к благу.

Но поскольку все сущее стремится к благу, а не к уму, то и провиденциальное познание необходимо стоит выше умственного. Именно так Провидение познаёт всё через еди-

ное, принадлежащее ей самой, — в той мере, в какой она наделяет благом всё: и мыслящее, и немыслящее, и живое, и неживое, и сущее, и не-сущее, — вкладывая во всё единое как отпечаток своего собственного единства.

Ведь это единое — не то же самое, что единичное, неделимое единое. Единичное — это последнее из сущего, оно ниже всеобщего, через причастность к которому оно и существует. Единое же Провидения выше всеобщего. Ведь всеобщее — это некое единое, но не единое само по себе: оно содержит в себе многое и различия того, что охватывает, а значит, оно — многое, а не только единое. Но и не таково это единое, как целое: целое делимо на части, тогда как то единое, которое принадлежит Провидению, будучи поистине единым, поистине неделимо.

Итак, говоря в общем, мы утверждаем: то единое, которое производит всё, есть и то, что всё сохраняет. Оно обладает бытием более истинным, чем любая сущность, и более возвышенным, чем любое познание. Оно не разделяется по познаваемым вещам и не приводится в движение ими.

Ведь познание на уровне души и на уровне ума обладает своими особенностями. Всякий ум есть единство и множество — и в бытии, и в мышлении. А всякая душа, будучи движением, мыслит через движение. Но то Единое, пребывая в себе, остаётся непреходящим и неделимым и познаёт всё одним и тем же способом — не только человека, солнце и всё подобное, но и каждую единичную вещь. Ничто не

ускользает от этого Единого — ни в бытии, ни в познании.

И верно говорится, что в центре весь круг присутствует центральным образом: ведь центр — это причина, а круг — следствие. Точно так же во единице содержится всякое число — монадическим образом, по той же самой причине. Но в Едином Провидения всё содержится в ещё большей степени, поскольку и само это Единое превосходит и центр, и монаду.

Итак, если бы центр обладал познанием круга, он познавал бы его центральным образом — так же, как и существует, — и не разделял бы себя на части круга. Точно так же и единое познание Провидения, оставаясь в одном и том же неделимом, есть познание всего разделённого и каждой отдельной вещи — как самых неделимых, так и самых всеобъемлющих. И как каждая вещь существует сообразно Единому, так и познаётся каждая вещь сообразно Единому. Познание не раздроблено вслед за познаваемым, и познаваемое не сливается в неразличимую массу из-за единой связности познания.

Будучи единым, оно охватывает всю бесконечность познаваемого, но при этом превосходит своим единством любое единство, присущее самим вещам. Вот какой ответ получает первое из поставленных нами затруднений.

Теперь, если угодно, рассмотрим второе. Мы утверждаем, что Провидение познаёт случайное — и уже древние достаточно глубоко осознавали всю сложность этого вопроса.

Ведь одни из них, признавая существование Провидения, отказывали случайному в реальном бытии и исключали его из числа сущего. Другие же, не имея возможности отрицать очевидное существование случайного, отказывали Провидению в том, что он простирается до этих вещей. И те и другие исходили из верной предпосылки: Провидение, будучи познающим, обладает определённой, тогда как случайное по своей природе неопределённо. Но вот в чём суть: Провидение обладает определённым знанием о неопределённом. Неопределённость принадлежит будущему, но не бытию как таковому, а познание заранее схватывает причину неопределённого. Ведь Провидение знает, что нечто неопределённое произойдёт, и, усматривая причину этого, познаёт и само неопределённое. И как он порождает, так и познаёт: неопределённое он порождает не неопределённым образом, а определённым. А значит, и познаёт неопределённое определённо, точно так же как бестелесно и без протяжённости познаёт то, что после него оказывается протяжённым и телесным.

Но если бы разумный принцип, заключённый в семени, — будучи единым и целым в каждой части семени, — осо-

знал, что причина, которую он несёт в себе, уже готова разделиться, он понял бы: причина разделения существует для того, что следует после него, а сам он остаётся неделимым. И тогда он сказал бы: «Я обладаю делимостью неделимым образом». Он не существует отдельно ни как одно, ни как другое, но содержит худшее в лучшем. Так что разделение не лишено причины, и причина не предшествует ему, а разделение существует сообразно причине — там оно пребывает как причина, а в воспринимающих его проявляется как действительное бытие. И если бы этот принцип стал искать причину разделения, которое происходит в нём самом, он обнаружил бы вот что: хотя сам он неделим, но, будучи помещён в другой субстрат, именно это — пребывание в другом, а не в самом себе — и даёт вещам возможность разделяться, возникать по отдельности, и не быть повсюду одним и тем же.

Точно так же мы говорим и о Провидении: оно есть причина всего, что познаёт, и познаёт то, чему является причиной — и определённое, и неопределённое оно познаёт определённым образом. Оно знает становление неопределённого как будущее и знает причину того, каким образом определённое даст неопределённому выход в бытие. И никакого противоречия из этого не возникает — ведь определённость в том, что следует после Провидения, существует именно благодаря тому, что оно её познаёт. Но это уже очевидно.

3

Третий вопрос, следующий за предыдущим и заслуживающий рассмотрения, тоже требует большого внимания: если Провидение является причиной и определённого, и неопределённого, то по одному ли и тому же основанию оно причина того и другого, или по разным?

Если по одному и тому же — как тогда он различает в своём знании, что одно из его следствий будет определённым, а другое — неопределённым? Если же по разным основаниям — как оно тогда остаётся единым в своём бытии, если одна его часть — это одно, а другая — другое?

Итак, и здесь призвав Бога просветить наш разум и довести до завершения то понятие, которое душа имеет об этих вещах, скажем себе следующее. Провидение, как говорит наше рассуждение, укоренено в едином. Ведь всё промысляющее стремится к некоему благу — или подлинному, или кажущемуся благом. Следует доверять общим понятиям тех, о ком проявляется забота. И промыслять — это не что иное, как благодетельствовать тем, о ком бы ни шла речь в связи с Провидением. А дарование блага, как мы уже говорили ранее, есть дарование единства — потому что единое есть благо, а благо есть единое; это было сказано уже бесчисленное число раз. Итак, мы утверждаем, что Провидение определяется единым — а сказать «единым» значит то же самое, что

сказать «благом».

Но «единое» Провидения — как мы уже отмечали ранее — не является единым в материальном смысле. Ведь материальное единое бесплодно и бездейственно, потому что после материи нет ничего. А единое Провидения, напротив, плодотворно и в высшей степени действенно, потому что всё существует после Провидения.

Это и не единое в смысле неделимого. Ведь неделимое доходит до предельного дробления и является единым лишь постольку, поскольку оно не есть ничто из прочего. Единое же Провидения содержит в себе всё, присутствует во всём, чему оно причина, и является спасительным для всего.

Нельзя также назвать его — как утверждают некоторые — единым в смысле всеобщего. Ведь всеобщее, хотя и содержит в себе то, что ему подчинено, и даёт бытие каждой отдельной вещи, всё же заранее включает в себя различия содержимого и потому по своей сущности представляет собой единое, которое есть многое. Единое же Провидения изъято из всего, что оно порождает и совершенствует, и не допускает в себя никакого разнообразия.

Итак, не будучи ничем из перечисленного, но располагаясь выше всякой видовой сущности, оно тем не менее порождает всё и обладает единой, неограниченной силой, непостижимой для всего сущего. Поэтому ни одна из существующих вещей в отдельности, ни все вещи по отдельности, ни даже все вместе взятые не способны развернуть заранее содержа-

щуюся в Провидении силу, вместить её в себя, заключить в свои пределы и охватить. Однако силы всех вещей, словно поглощённые Единым, причастны ему в той мере, в какой каждая из них по природе способна к стремлению.

Итак, Единое, принадлежащее всякому Провидению, превосходит единством любое бестелесное и телесное единение. А бесконечная сила превосходит бесконечностью всякую силу — как бесконечную, так и конечную. И нет ничего удивительного в том, что среди бесконечных сил одна бесконечнее другой. Ведь речь здесь идёт не о количественной бесконечности, при которой одно бесконечное не может быть бесконечнее другого. Однако всё бесконечное по отношению к тому, что ниже его, будет бесконечным по силе и останется таковым. По отношению же к тому, что выше его, оно окажется конечным — либо определённым высшими началами, либо не охватываемым ими. Но ведь оно не может быть и неохватываемым для высших начал, и при этом не содержаться в них. Значит, если оно содержится в них, то, будучи бесконечным, всё же охватывается ими. А если охватывается и постигается ими — то оно уже не бесконечно по отношению к ним.

Но оно не бесконечно и для самого себя. Ведь то, что бесконечно для самого себя, непостижимо для самого себя, а значит, не способно себя содержать и сохранять. Между тем каждое из сущих по своей силе способно сохранять само себя. Следовательно, остаётся признать, что каждое бесконеч-

ное бесконечно лишь для того, что стоит ниже его. Бесконечная же сила Провидения, объемлющая все силы — все те, которыми обладают все вещи, о которых оно промышляет, — порождает их все в едином единстве и охватывает каждую из них в своей собственной бесконечности. Так следует это понимать.

Ведь «единое» не везде одно и то же — скажем, в бестелесном и в телесном, или в вечных телах и в тленных. Единство вечных вещей сильнее — иначе как объяснить, что одни остаются неразрушимыми, а от других единое уходит? Кроме того, бестелесное ближе к единому, тогда как тело из-за бесконечной делимости на части чрезвычайно далеко отстоит от единого. И не нужно удивляться тому, что одно «единее» другого: мы видим, что каждая вещь, нисходя по ступеням, всякий раз становится чем-то иным по сравнению с тем, что стоит выше неё, — и так до тех пор, пока не достигнет последнего звена своей цепи, то есть своего порядка.

Итак, Провидение по природе своей и едино, и обладает бесконечной силой. Однако среди того, что им произведено и опекаемо, — хотя всё причастно и тому, и другому, — одни вещи существуют преимущественно по способу единого: это те, которым определённость врождена; другие же — преимущественно по способу бесконечного: это те, которым свойственна неопределённость. Ведь здешняя неопределённость есть подражание тамошнему бесконечному, а здешняя определённость — подражание тамошнему единому.

Именно поэтому первые среди вещей в нашей вселенной — те, что существуют сообразно единому пределу, — суть неизменные, а следующие за ними стремятся к неопределённости, располагаясь в определённом порядке. При этом всякая бесконечность существует как бесконечность промыслительная, а всё определённое существует благодаря единению. Тамошняя бесконечность охвачена Единым и принадлежит Единому, а здесь неопределённое по природе служит определённому, и определённое упорядочивает всестороннюю изменчивость того, что движется без определённости. И как соотносятся между собой первоначальные причины этих вещей в своём взаимном порядке, так и сами вещи, принимая соразмерное тем причинам соотношение, восполняют мир, где худшее зависит от лучшего.

Яснее станет наше рассуждение, если мы учтём следующее: ум производит то, что производит, в двояком виде — я имею в виду тело и бестелесное, — но и то и другое он производит бестелесным образом, и познаёт, и творит сообразно собственной природе. И подобно тому как понятие бестелесного в нём само бестелесно и является причиной бестелесных вещей, так и понятие тела, хотя оно и бестелесно, является причиной тел. Первое уподобляет производимое самому уму, а второе — из-за нисхождения — производит более чуждыми по отношению к бестелесному виду.

Душа также производит: в других душах — живые и подвижные смысловые начала; а те, что нисходят в материю,

— одни из них познавательные, другие же ремесленные. Все они порождаются жизненно, но одни исходят из жизни в жизнь, а другие — из жизни в неживое.

Если сказать кратко: всё порождающее, которое одновременно и познаёт то, что порождает, — порождает и познаёт в силу различных причин, причём познаёт согласно высшей из них. Порождаемое же от него — одно соответствует ему самому, а другое — низшему уровню.

Поэтому если ты скажешь, что Провидение обладает единством как причиной определённого, а бесконечностью — как причиной неопределённого, и что оно познаёт и то и другое определённым образом, и порождает и то и другое тем же способом — подобно тому, как ум мыслит бестелесное согласно природе бестелесного, а телесное — бестелесным образом, — то скажешь правильно. Из того же, что учреждается Провидением, одно определяется благодаря единству, а другое остаётся неопределённым из-за бесконечности.

Ведь необходимое по своей природе лишено бесконечности, а случайное лишено предела. Случайное совершенно не способно быть определённым в том смысле, в каком определено необходимое. А необходимое, будучи вечным по самой своей природе, причастно бесконечной силе. Откуда иначе у вечных вещей их «всегда так» и «никогда иначе»? Когда здесь господствует единое и благодаря этому порождает необходимое, оно как бы связывает бесконечное преде-

лом. Когда же, напротив, берёт верх бесконечное, то единое оказывается умалённым, потому что бесконечное опережает его и ускользает от его охвата. Однако Провидение знает и то и другое, причём, как было сказано, знает в соответствии с лучшим и заранее содержит в своём знании особенность каждого из двух начал в их порождающей деятельности: одно — как полагающее предел, другое — как производящее бесконечное.

Итак, всякий предел — оттуда, и всё бесконечное — оттуда, будь то в бестелесном или в телесном. И составное из обоих — точно так же оттуда. Поэтому и познание простого, и познание составного пребывает там — подобно тому, как и порождение простого и составного исходит оттуда. Поскольку существует единое — а ведь была и бесконечная сила единого — оттуда происходят и пределы сами по себе, и всё, что каким бы то ни было образом бесконечно. А поскольку бесконечная сила единого принадлежала и другому [началу], то и здесь соединённые [начала] образуют единое целое: либо единое закрепляет необходимость того, что возникает, либо бесконечность, опережая, порождает случайное.

Но поскольку и здесь бесконечному не дозволено быть покинутым единым, то и случайное ограничивается природой необходимого, как было сказано. И это либо удерживается единым в большей степени — тогда событие, переходящее в необходимое, определяется за больший промежуток времени; либо, причастное единому слабее, определяется за мень-

ший промежуток, но всё же претерпевает то же самое и получает свою определённую. Это происходит от скрытой природы и совершается подобно тому, что было прежде, подражая бесконечной силе бытия единого — но не своей собственной силе. Ведь всякая сила принадлежит тому, кто ею обладает, а не самой себе.

Всё, что каким-либо образом неопределённо, пребывает в состоянии «ещё-не-бытия» в рамках определённости — это и есть то, что называют «возможным». Завершается же оно в необходимости — либо быть, либо не быть, и либо за больший промежуток времени, либо за меньший.

Это подтверждают и гадания, основанные на догадках: они оказываются точнее, когда предсказывают события ближайшего будущего, нежели отдалённого, — словно неопределённость к тому моменту уже в значительной мере преодолена.

Что же касается того, что познание неопределённого должно существовать в высших по отношению к нам началах — если и оно должно занимать своё место в порядке вещей и не быть чем-то случайным для вселенной, — пусть это будет принято как доказанное в другом месте. Здесь же ставился лишь вопрос: каким образом это возможно? Пусть и это станет ясным.

Ведь вселенная не была бы единой, и управление ею не осуществлялось бы согласно уму, если бы между ним и определёнными вещами, порядок которых от него зависит, не

возникало некоей связи.

Это познание необходимо приписать либо одним только демонам — ведь именно они, будучи ближе всего к здешнему миру, способны и познавать его, и управлять им, — либо, прежде того, Богу, который и демонам передал промысл о различных вещах, причём демоны содержат в себе всё это целиком.

Но если мы оставим познание неопределённого и промысл о нём одним лишь демонам, то они будут познавать либо по отдельности — то, о чём они промышляют, и то, что стоит выше них, — либо то и другое одновременно. Если по отдельности — чем тогда они будут отличаться от наших душ? Ведь и наши души не способны одновременно промышлять о другом, пребывать в самих себе и обращать взор к высшему. Но как мы признаем, что те, кто не простирает себя к внешнему, могут с помощью знания постигать неопределённое, стремясь к определённости в том, что по природе неопределённо?

Если же они познают и то, и другое одновременно, тогда необходимо одно из двух: либо это познание того, чем они управляют, даётся им через рассуждение, и тогда нужно допустить, что в них заложены понятия и образцы неопределённых вещей — ведь именно рассуждение и есть способ такого познания; либо, утверждая, что они действуют божественным образом, то есть выше рассуждения, мы тем более должны возвести эту способность к Богам, от которых и де-

монам достаётся дар прорицания и возможность определённо предвидеть даже неопределённое.

Ведь если они познают неопределённое лишь неопределённо, мы освободим их от той бесстрастности, которая подобает неизменным родам существ. Ведь для такого познания необходимы и воображение, и чувственное восприятие — чтобы, вспоминая о том, чего нет перед ними, связывать подобие будущего с настоящим и прошлым. Если же они познают определённо, то почему бы нам, признав эту способность за демонами, не приписать её в ещё большей мере богам — так, чтобы они вневременно познавали то, что существует во времени, и определённо постигали неопределённое, и промышляли о неопределённом сообразно способу своего познания?

Ведь если боги не могут определённо познавать неопределённое, то нелепо лишать богов по причине их бессилия того познания, которым обладают демоны. А если они могут, но не хотят — это ещё нелепее, чем неспособность, ведь они сами учредили всё это и при этом не желают промышлять о том, что учредили.

Разве не все смертные и частные вещи сотворены богами? Разве не всё, что содержит в себе мир, — их творение? Одно создано единым Отцом, другое — мировыми богами, но по его повелению: и они творят, и он через них производит всё это. Однако недопустимо, чтобы производящие причины — действуют ли они непосредственно или через какие-либо

посредствующие звенья — пренебрегали сущими богами.

Но если боги и хотят промыслять об определённом и неопределённом, и могут это делать, то они, безусловно, промысляют, а промысляя — познают достоинство того, о чём заботятся. Боги познают это возвышенным образом, простирая своё провидение на всё. Демоны же, разделяя между собой попечение о сущем, получают каждый свою «паству»: одни — над одними, другие — над другими, как говорит тот мудрец, вплоть до самого мельчайшего разделения. Так что одни из них поставлены над людьми, другие — над львами, третьи — над иными животными или растениями. И ещё более частно: одни заботятся о глазе, другие — о сердце, третьи — о печени.

Всё полно богов: одни промысляют о том или ином непосредственно, другие — через посредство демонов, как уже было сказано. И дело не в том, что боги не способны присутствовать повсюду, а в том, что низшие существа не способны сами по себе причаститься высшим. Здесь обнаруживается неспособность причастников: порой они не в состоянии воспринять богов напрямую, но ощущают заботу, исходящую от демонов. Когда же существо становится способным к восприятию, оно тотчас обретает присутствие богов и через это узнаёт, что было познано ими и прежде. Оно начинает осознавать нисходящее к нему провидение, которым оно было наделено и раньше, но не замечало этого, — причастие было сокрытым.

Представь, что человек спит на солнце и, будучи освещён, не знает об этом во сне. Но вот он просыпается, видит себя залитым светом и только тогда понимает, что свет здесь присутствует — хотя свет был рядом с ним и раньше, просто сам он по неведению не присутствовал для света. Точно так же и неопределённое: в момент обращения оно определяется. Обращаясь к божественному, при котором даже неопределённое существовало определённым образом, оно перенимает оттуда предел и благодаря причастности обретает бытие. Ведь и до обращения оно было неопределённым для самого себя, но для божественного оно существовало не таким, каково оно само по себе, а так, как подобает божественному — то есть определённо. Однако оно познавалось как выходящее за пределы божественного из-за собственной неопределённости. Впрочем, это выходжение не таково, чтобы оно ускользало от всякого предела вообще — иначе оно скрылось бы, провалившись в бездну небытия. Нет, оно таково, что неопределённое и не лишено предела полностью, и не утверждено в нём совершенным образом.

После же обращения оно обретает знание истины, осознание собственной неопределённости и предсуществующего предела, который украшает и упорядочивает эту неопределённость.

Более того: мы признаём, что благо приходит ко всему не откуда-то ещё, а от Провидения — подобно тому, как способность мыслить приходит от ума, а жизнь и движение в

жизни — от души. Всё, что каким бы то ни было образом живёт, живёт благодаря душе, а всё мыслящее мыслит благодаря уму.

Отсюда очевидно, что и всё причастное благу Провидения обладает этим благом именно благодаря причине Провидения — даже если речь идёт о частных вещах, причастных ему лишь временно. Ведь каждую вещь следует возводить к её собственному истоку, от которого существование распространяется на всю цепь бытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.